

От автора

«Обещанного три года ждут». В полном соответствии с этой русской поговоркой выполняю данное читателям обещание дополнить мой несистематический словарь, впервые вышедший в 1999 году¹, русско-английской частью. Конечно, три года, особенно в наше время, срок изрядный и наверно чрезмерный, и в свое оправдание могу сказать лишь то, что за это время у меня накопилось некоторое количество актуального материала: новое время, новые герои — новая лексика. Потеряв по разным причинам для работы над словарем 1999 и 2000 годы, я взялся за дело лишь во второй половине 2001 года. Вместе с издательством мы решили сосредоточить внимание на том, что было обещано. Поэтому англо-русская часть не подвергалась существенной переработке и дополнению. Это решение может показаться спорным, ведь язык развивается и обогащается так быстро, что любой словарь можно переделывать едва ли не каждый год. И все-таки мы решили, что главное сейчас — русско-английская часть. Остальное (в том числе переработка и дополнение некоторых приложений) может подождать.

Тем не менее в англо-русской части есть небольшие изменения. Прежде всего устранены замеченные опечатки и неточности, за которые я приношу читателям извинения. Должен сказать, что «смертельных» среди них не оказалось. Добавлены словарные статьи — **acronyms (new and funny), postal (to go postal), racial profiling** и **zero tolerance**. Значительно дополнена статья **challenge**. Переработана статья **CEO, COO, CFO**. В некоторые статьи внесены уточнения и добавления (внимательный читатель заметит их в статьях **American English/British English, Bible words and phrases, community, deliver, down, exposure, foreign words and phrases, pathetic, unique, vogue words, buzz words and catch phrases** и некоторых других). Добавлено приложение «**Найдено в Сети**». Изменилось и название моей работы — на мой взгляд, я предлагаю читателю во многом новую книгу (к тому же прежнее название не всем понравилось, а я всегда готов уступить в несущественном).

В русско-английской части, помимо обычных словарных статей, имеются также статьи, где, отталкиваясь от того или иного слова или понятия, я высказываюсь по поводу некоторых проблем перевода и того, что иногда называют «языковой политикой». Это неизбежно, ибо последние годы, начиная с середины 1980-х годов, были периодом бурных изменений в языке. Резко изменились условия его функционирования.

¹ 4-е издание книги вышло в 2001 году в издательстве «Р.Валент».

У людей разное отношение и к этим общественным изменениям, и к тому, что происходит с русским языком. И хотя основания для критических оценок есть, я, как увидит читатель, считаю, что свобода и преодоление страха в конечном счете безусловно благотворны и для общества, и для языка. Оскудение и омертвление языка в смиренной рубашке бюрократической системы было куда опаснее нынешнего потока заимствований и жаргонизмов, грамматических и стилистических несурзностей. По меткому замечанию одного лингвиста, происходит не порча языка, а его раскрепощение. В этих условиях работа переводчика стала и труднее, и благодарнее. Продолжая активную переводческую практику, я пытаюсь осмыслить влияние происходящих изменений на нашу работу. Некоторые мои соображения переводческого характера являются продолжением и развитием мыслей, содержащихся в разделе «Вместо предисловия». Сам этот раздел, однако, остался без изменений, поскольку я не вижу оснований отказываться от изложенных в нем принципов.

В заключение хочу поблагодарить моих самых внимательных читателей — тех, кто предложил уточнения, изменения, поправки. Это Линн Виссон, Татьяна Клюкина, Игорь Мозолевич, Алис Нахимовски, Григорий Сапов, Александр Шаракшанэ, Валерий Щербаков и Уолтер Эстулин.

Вместо предисловия

В своей жизни я сменил немало занятий. Были среди них и такие, как аккордеонист в пионерском лагере (на ставке сторожа-пожарника), каменщик в студенческом стройотряде. Преобладали, однако, вполне серьезные. Я работал преподавателем, был сотрудником Секретариата ООН, дипломатом, занимался журналистикой. Свою карьеру на государственной службе я закончил в аппарате Президента СССР, где работал вплоть до «расформирования» этого государства. Но из всех своих занятий самым благородным считаю работу переводчика и все то, что связано с моим многолетним «романом» с английским языком.

Профессии переводчика я обязан очень и очень многим. Переступая осенью 1966 года порог московского иняза на тогда еще Метростроевской улице, я, конечно, и предположить не мог, что сделанный тогда выбор позволит мне так много увидеть и пережить. Я оказался свидетелем и участником исторических событий, общался — профессионально и «человечески» — с главами государств, лидерами науки, медицины, бизнеса, крупными дипломатами и военачальниками, выдающимися музыкантами, актерами, писателями. Честно говоря, и тогда, более тридцати лет назад, я интуитивно чувствовал, что сделал правильный выбор, что он не обманет меня, но, можете мне поверить, я был бы доволен и малой долей того, что мне выпало, потому что само это занятие — впитывать воздух чужого (и своего) языка, рыться в ворохах слов и, найдя нужное, ощущать его фактуру, его объем, а потом нащупывать нити межъязыковых соответствий — так и осталось моим любимым делом.

Наверное, в этом секрет того, почему немало людей, отнюдь не лишенных честолюбия и жизненных амбиций, занимаются переводческим трудом, оказываясь в, казалось бы, подчиненном положении не автора, не творца мысли, а ее «перелагателя» или, в лучшем случае, толкователя. В действительности работа переводчика — одна из самых творческих. Приходится принимать, иногда в доли секунды, большие и малые, порой совершенно нестандартные решения.

Непрерывно меняющийся язык заставляет постоянно учиться. Необходимо иметь солидный запас знаний из самых различных областей жизни, уметь при необходимости вникнуть в суть весьма специальных вещей. Замечено, что хорошие переводчики, как правило, не только эрудированные, но и очень неглупые люди, так что нередко им задают вопрос: «Ну что ты все переводишь? Занялся бы более серьезным делом». Думаю, ответ на такой вопрос ясен из написанного выше.

Мой «несистематический словарь» — попытка поделиться накопленным опытом. Так сложилось, что мне приходилось много работать и письменным переводчиком, и устным. И хотя сейчас утверждается мнение, что это — две разные профессии или, во всяком случае, разные специальности (недаром по-английски они обозначаются разными

словами — translator и interpreter), я убежден, что у них единая основа, и надеюсь, что, независимо от специализации, мои коллеги, в том числе будущие, найдут для себя в этой книге что-то полезное, тем более что в реальном мире строго выдержать устную или письменную специализацию не так легко.

Словарь обращен к переводчикам англо-русской комбинации — самой распространенной у нас в стране и, пожалуй, самой коварной. На ту или иную степень знакомства с английским языком претендуют у нас едва ли не все, и многие считают возможным комментировать и критиковать перевод (иногда, впрочем, не без оснований). Так что наша задача в этом смысле труднее, чем задача переводчика, скажем, японского или португальского языка. И здесь я позволю себе высказать несколько мыслей о нынешнем положении и роли английского языка в мире.

Сегодня английский считают родным языком примерно 400 миллионов человек, живущих в США, Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других странах. Но гораздо больше людей — более одного миллиарда, а по некоторым оценкам, почти полтора миллиарда человек — пользуются английским в качестве второго или третьего языка в работе и жизни. Английский все больше становится международным языком бизнеса, науки, поп-культуры. Он доминирует в Интернете. Его все чаще называют «глобальным языком», своего рода *lingua franca* нашего времени. Пока нет никаких признаков того, что эта тенденция прервется.

Не всем это нравится. Очевидно, что доминирование английского языка неизбежно будет иметь далеко идущие экономические, культурные и даже геополитические последствия. Видимо, «железный канцлер» Отто Бисмарк был недалек от истины, когда в 1898 году на вопрос о том, что он считает решающим событием современной истории, ответил: «То, что североамериканцы говорят по-английски».

Как всегда, здесь важно не спутать причину со следствием. Английский ли язык сообщил странам своего распространения, особенно Америке, небывалую мощь, или же его распространенность лишь отражает растущее влияние Америки, вызванное совсем иными причинами? Верно, конечно, второе. Ведь сам по себе английский, обладая несомненными достоинствами — такими, как компактность слов и гибкость словаря, сравнительно нетрудная грамматика, четкий порядок слов, — в то же время ставит перед изучающим его немало проблем, связанных, например, со сложнейшим правописанием и трудным для большинства людей произношением. Сегодня, однако, именно этот язык буквально «у всех на устах».

Но не будет ошибкой сказать, что большинство пользующихся английским языком владеют им далеко не в совершенстве. Типичными являются скорее ограниченные познания и весьма затрудненная, довольно примитивная речь. Те, кому английский дорог во всей его полноте и красоте, начинают бить тревогу: под влиянием многих факторов, в том числе под воздействием миллионов людей, для которых он — не впитанный

с молоком матери язык-среда, язык-жизнь, а лишь необходимый, чисто прагматический посредник, английский становится суше, примитивнее, стирается грань между правильным и недопустимым.

Эти опасения кажутся мне преувеличенными, как, впрочем, и периодически возникающие страхи по поводу засорения русского (французского, испанского, японского и любого другого языка) англицизмами и американизмами. Человек, знакомый с историей английского языка, знает о последствиях норманнского нашествия в XII веке, когда словарный запас был буквально заполонен французской лексикой. Но английский переварил, освоил ее, подчинил своему грамматическому строю. То же самое произошло и с «нашествием» иноязычной лексики в России в петровскую эпоху. Не надо бояться таких слов, как *роуминг*, *брокер*, *риэлтор*, *электорат* и тому подобных. Они отражают объекты или явления, не у нас впервые появившиеся или впервые описанные. В конце концов язык примет их или назовет эти явления по-своему. Ведь нам уже не кажутся инородными такие, скажем, слова, как *аванс*, *витраж*, *адажио* или *ракета*. А если возникнет собственное, своеобычное слово — например, *самолет* вместо *аэроплана*, *вертолет* вместо *геликоптера* или *вратарь* вместо *голкипера*, — что ж, тем лучше. А еще лучше, если мы сами произведем на свет и назовем по-русски что-то новое, чего нет у других, и тогда слова будут заимствовать у нас, как заимствовали *спутник* и *перестройку*.

Многолетний опыт подсказывает мне, что сила и яркость речи того или иного человека лишь в малой мере зависят от того, много ли в его речи иноязычных заимствований. Гораздо важнее другое — крепость фразы, гибкость высказывания, уверенность речи. И прежде всего, конечно, содержательность, что в переводе равнозначно точности (ибо, к сожалению, нельзя быть намного содержательнее оригинала).

Вернемся к теме повсеместного распространения английского языка. Не значит ли это, что профессия переводчика становится излишней, а перевод может скоро превратиться в ненужную формальность? Вопрос этот не так прост, как может показаться на первый взгляд. Его нельзя отменить с порога. Достаточно сказать, например, что большинство конгрессов по различным областям науки и техники, которые сравнительно недавно проходили с переводом на несколько языков, сейчас обходятся без такового: ученые говорят на общем для них английском. И все же в целом профессии переводчика не грозит преждевременная смерть. И дело здесь не только в необходимости перевода с трудных, «экзотических» или редких языков. По большому счету, нет угрозы и англоязычному переводчику — при условии, что речь идет о квалифицированном профессионале. Но как раз это условие — принципиальное.

Люди, прилично владеющие английским языком, часто предпочитают общаться через переводчика, если они убеждаются, что перевод, особенно на неродной для них язык, существенно лучше, чем то, что они в состоянии высказать самостоятельно. И наоборот, непрофессиональный перевод часто не только заставляет собеседников обоснованно

поправлять переводчика, но и вообще побуждает их перейти на свой «какой-никакой» английский. (Кстати, в Москве языком международного общения все чаще становится русский. Если еще пятнадцать-двадцать лет назад многие дипломаты и бизнесмены могли позволить себе годами жить в нашей стране, не говоря ни слова по-русски, то сейчас это, пожалуй, уже становится редкостью.)

Итак, профессии переводчика в обозримом будущем ничего не грозит. Что-то, конечно, окажется не настолько важным, чтобы заслуживать перевода, то есть «сфера охвата» нашей профессии будет постоянно меняться. Условно говоря, если подписи под рекламными картинками можно и не переводить, то инструкции по эксплуатации и тем более по ремонту надо обязательно перевести, причем хорошо. Русский бизнесмен в легком застольном разговоре может обойтись и своим несовершенным английским, но на переговорах, особенно ближе к заключению сделки (*closing* или *closure*), профессиональный переводчик ему просто необходим.

Отличить переводчика-мастера или крепкого профессионала от начинающего, «двоечника» или халтурщика довольно легко. Не буду перечислять все качества, которыми должен обладать переводчик высокого класса. Отмечу некоторые, имеющие отношение в первую очередь к работе устного переводчика. Это, конечно, хорошие нервы, дипломатичность, умение держать себя и просто выносливость. Не надо забывать, что устный перевод — это и умственный, и физический труд одновременно. При такой нагрузке рекомендуется здоровый образ жизни, а проще говоря — умеренность в выпивке (известные исключения не отменяют этого правила). Честно говоря, не помешает и везение, хотя недаром говорят, что везет сильным. Я уже говорил о способности впитывать информацию, быстро осваиваться в различных областях знаний. И все же на первое место я поставил бы одно качество, общее как для синхронистов, так и для письменных переводчиков — литературных, технических, не важно каких. Это качество я бы назвал просто: *любовь к словам*.

Кстати, именно поэтому моя книга сделана в форме своеобразного словаря. Знаю, многие оспорят этот выбор, приведут известный аргумент, что искусство перевода предполагает умение отстраниться от словесной оболочки, что слова исходного текста — это своего рода смиренная рубашка, мешающая переводчику выражаться свободно. Еще говорят, что главное — в полной мере понять описываемую предложением или целым текстом ситуацию, представить себе ее, и тогда перевод пойдет едва ли не сам собой, речь польется свободно и (цитата) «работа будет в кайф». Все это так — полностью или отчасти. И все-таки чтобы отстраниться от слова, подняться над ним, надо сначала, как минимум, овладеть его смыслом, а сделать это без постоянных занятий именно лексикой родного и иностранного языка — невозможно. Воистину, «в начале было слово».

Устному переводчику приходится держать в памяти огромное количество межъязыковых эквивалентных пар. Ведь «там, где между языками установилось традиционное эквивалентное соответствие, переводчик фактически лишен возможности выбора», писал замечательный теоретик и преподаватель перевода Яков Иосифович Рецкер. Это прежде всего термины и другие однозначные эквиваленты, устойчивые словосочетания и фразеологизмы, поговорки и даже цитаты. Кстати, замечено, что словосочетания гораздо чаще имеют эквивалентные соответствия, чем отдельные слова (даже термины нередко имеют более одного значения и одного соответствия в других языках). Так или иначе, чем больше полных или частичных эквивалентов в вашем распоряжении, тем свободнее перевод, тем больше возможность правильно и гибко выразить мысль исходного текста. Эквиваленты и другие закрепленные в памяти переводчика соответствия «являются своего рода катализаторами в процессе перевода. Их роль трудно переоценить особенно в процессе устного перевода. Именно эти единицы перевода... прежде всего проясняются в сознании переводчика и помогают ему понять значение окружающего контекста и всего высказывания в целом» (Я.И.Рецкер).

Переводчик в гораздо большей степени, чем люди, просто изучающие язык, постоянно «перебирает слова». Это начинается в юности. Как по-английски *висок*? *Предплечье*? *Ключица*? Как по-английски *ежевика*, *инжир*, *судак*, *минтай*, *смычок*, *скипидар*, *канифоль*, *задний мост*, *форсунка*, *элерон* и т.д. и т.п.? В большинстве случаев эти слова можно найти в словарях, глоссариях, терминологических справочниках. Но некоторая часть из них усваивается без обращения к словарям, «впитывается» в процессе работы, чтения, слушания радио и т.д. Именно таким образом усваивается и большинство словосочетаний. Как сказать *набрать номер*, *вывихнуть ногу*, *спасаться бегством*, *бред сумасшедшего*, *пустить пыль в глаза* и т.п.? Такие вещи неплохо знать, но синонимические возможности языка и различные приемы перевода позволяют выйти из положения и в том случае, если у вас в запасе нет прямых эквивалентов этих выражений.

Надо стремиться знать как можно больше эквивалентов, отложившихся в традиции языковых контактов. В книге «Теория перевода и переводческая практика» Я.И.Рецкер приводит такой пример: словосочетание *the shadows of the gods* «несомненно имеет абсолютный эквивалент, так как единственное приемлемое соответствие — *сумерки богов*. Традиция межъязыковых соответствий настолько упорна, что всякий иной перевод был бы ошибочен». Продолжим эту тему. Как по-английски *А все-таки она вертится* (*And yet it moves*), *Факты — упрямая вещь* (*Facts are stubborn things*), *Горе от ума* (*Wit Works Woe*) и т.д.? Наконец, как сказать *Хотели как лучше, а вышло как всегда* (мой шуточный вариант *We tried our best, you know the rest*)? Такое далеко не всегда можно найти в словаре, этому «не учат в школе» — приходит с опытом.

Готовясь к конференции на какую-либо тему, переводчик осваивает и саму эту тему, и терминологию, и способы выражения, ей присущие. Постепенно вырабатывается привычка «вытягивать» целые цепочки

взаимосвязанных слов, терминов, выражений. Например, вам предложили съездить с группой инвесторов, скажем, на пивоваренный завод. Опытный переводчик сразу представляет себе примерно следующее лексическое поле: *солод, хмель, ячмень, сусло, замачивать, брожение, дрожжи, бочка, банка, разливать, разливное пиво, этикетка*. «Недостающее» в вашем запасе можно найти в словаре. Если же выясняется, что какая-то тема или сфера знаний вам незнакома или малознакома, надо срочно принимать меры. Для этого есть библиотеки, Интернет, друзья, знакомые и т.д.

Но этого недостаточно. Необходимо следить за языковой модой (см. статью **vogue words**), за разговорными и жаргонными выражениями. Все это ни один переводчик не должен считать ниже своего достоинства. Мне, скажем, не доставляет никакого удовольствия «осваивать» такие слова, как *феня, отморозок* или *разборка*. Но делать это приходится — влияние блатного, воровского, тюремного жаргона на русскую речь приняло огромные масштабы. Одним словом, *Stay current!* (*Не отставай от жизни.*)

Перевод — дело не только творческое, но и очень субъективное. Автор любого пособия по переводу подставляет себя под огонь возможной критики, если он не только рассказывает, как надо переводить, но и предлагает конкретные варианты. Есть множество неверных и неточных переводов любого предложения, но столь же верно и другое: есть множество приемлемых, хороших и очень хороших переводов, потому что синонимические возможности языка поистине безграничны. **Поэтому учиться переводить, на мой взгляд, означает прежде всего две вещи — изучать лексику и учиться синонимической гибкости.**

Синонимию надо понимать не просто как подбор сходных по значению слов, принадлежащих к одной и той же части речи (этот путь — часто тупиковый), а как свойство любого языка, позволяющее — благодаря лексическим и синтаксическим приемам, контекстуальному «домысливанию» и, наоборот, недоговариванию («ясно из контекста», общего смысла высказывания) — выразить мысль самыми различными способами. (На эту тему советую прочитать предисловие и послесловие Ю.Д.Апресяна к «Словарю русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н.Абрамова.) Часто для этого действительно необходимо преодолеть силу притяжения конкретного слова, абстрагироваться от него.

Как это делать в устном переводе? На этот счет у каждого переводчика свои рекомендации. Одни утверждают, что «нужно максимально расслабиться», другие — что надо «включить дополнительное напряжение», «нажать на газ». Кто-то советует «быстро представить себе ситуацию», кто-то — «сканировать части речи» (т.е. подыскать, скажем, глагол, если не удастся найти существительное). Все эти советы полезны, хотя и субъективны, и каждому придется адаптировать их к своим потребностям и возможностям.

Для иллюстрации приведу пример. Представьте себе, что вам встретилось в переводе такое высказывание: *When I went away to college, I had no idea of the dangers involved with the rapid consumption of alcohol. After graduation, whenever my friends and I met, we continued to drink heavily. Eventually, my drinking pattern ruined my life.* (Компиляция из письма, опубликованного в журнале Newsweek.) Очевидно, что не очень опытный переводчик может споткнуться на слове *pattern* (см. это слово в тексте словаря). Ни один словарь не дает на это слово перевод *пристрастие*. Это — контекстуальное соответствие, но переводчик с определенными навыками найдет его без труда. А если нет? Можно попробовать так: *Ито, что я (так много) пил, в конце концов погубило меня.* Неуклюже, но в крайнем случае сойдет. Или так: *После окончания колледжа я продолжал пить с друзьями и плохо кончил.* Стоит начать такое синонимическое упражнение (а я всегда рекомендую его своим студентам), и переводы посыпятся как из рога изобилия: тут и *участие в попойках*, и «зеленый змей», и фразы типа *я поглощал алкоголь в огромных количествах* и т.п.

Два слова о замысле этого словаря. Слово «несистематический», поставленное в его название, надеюсь, избавляет меня от чьих-либо претензий по поводу отсутствия чего-то важного или интересного. В принципе такой, как и любой другой словарь, можно составлять всю жизнь. Будут и другие упреки: скажут, что словарь не просто несистематический, а бессистемный, в нем намешано все — и «ложные друзья переводчика», и трудные по значению слова, и безэквивалентная лексика, и слова, которые легко спутать, и просто вещи «для общего развития» (библейская лексика, иноязычные вкрапления, шекспиризмы, заметки лексикологического характера). Этот упрек я сразу же принимаю. В оправдание свое могу сказать, что жизнь вообще довольно бессистемна, что этот словарь — не учебник и что я хотел сделать его интересным для чтения. Кроме того, объединяет все эти разнородные элементы попытка сделать словарь не чисто лингвистическим пособием, а скорее культурно-лингвистическим. Я имею в виду не только некоторые страноведческие сведения, которые есть в словаре (но их гораздо больше в других изданиях), а тот культурный контекст, без интуитивного учета которого переводчик всегда будет понимать и переводить «чуть-чуть не то». Надеюсь, что словарь поможет читателю развить необходимую не только в переводе, но и в общении «культурную интуицию».

Словарь снабжен индексом, который, надеюсь, облегчит работу с ним. Конечно, индекс не может сделать этот словарь сколько-нибудь полным. И все же он необходим — ведь многие слова и выражения расположены в тексте словаря не в алфавитном порядке, а включены в различные словарные статьи. В индексе можно найти и вошедшие в словарь словосочетания, фразеологизмы, афоризмы. Вопрос о том, какое слово в них является ключевым, до сих пор не решен в лексикологии и, как правило, для простоты я принимал первое слово за ключевое.

Наконец, о предлагаемых переводах (полные или частичные переводы предложений даются там, где это необходимо, в других случаях я предлагаю читателю попробовать самому) и комментариях к ним. Надеюсь, что хотя бы часть из них удовлетворит читателя. Что касается используемых в тексте словаря терминов из теории перевода и общелингвистических, то они даются большей частью без пояснений, так как либо достаточно хорошо известны, либо ясны из контекста, а тех, кто хотел бы получить о них более полное представление, я отсылаю к трудам теоретиков перевода. Большинство из них выходили в 1970-е – 80-е годы, но по-прежнему интересны. Прочитав их, любознательный читатель может обвинить меня в том, что некоторые термины используются в этой книге не совсем корректно, но я надеюсь, что практику это простительно.

И, наконец, слова благодарности: моим первым учителем английского была мама — Нинель Елисеевна Воробьева. И еще, помимо других упоминаемых и не упоминаемых в словаре моих учителей — покойного Я.И.Рецкера, М.Д.Литвиновой, Г.В.Чернова, Л.З.Путиловой, М.П.Векслер, хочу поблагодарить многих моих коллег, и прежде всего Виктора Михайловича Суходрева и Игоря Корчилова.

П.Палажченко